

Владимир Дулга

ЗА ОЗЕРОМ БАЙКАЛ

Владимир Дулга

За озером Байкал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18010646

ISBN 9785447448561

Аннотация

Повесть «За озером Байкал» рассказывает о детстве и юности простого мальчишки из тихого южно-уральского городка. Первые детские впечатления, маленькие житейские трудности, горькие ошибки и разочарования. Добрые соседи, верные друзья и коварные недруги. Происходящее глазами маленького человека, познающего себя и окружающий мир.

Содержание

Об авторе	5
Часть первая.	7
Дом, двор и соседи	9
Луна	12
Страшная башня	15
Жучкины дети	19
Люська сплетница	28
Папа	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

За озером Байкал

Владимир Дулга

© Владимир Дулга, 2016

© Светлана Першина (Кирпичева), фотографии, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Об авторе

Родился и вырос в семье офицера. Своей малой Родиной считаю Забайкалье, где прошло моё детство и юность, в небольшом, таёжном, военном городке. Выбрал, как и у отца, профессию военного. Окончил Благовещенское танковое училище и Академию бронетанковых войск. Сменил множество должностей и мест службы, был советским военным советником в Сирии. Сюжеты моих работ взяты из детства, службы и повседневной жизни. Герои произведений – друзья юности, сослуживцы, товарищи, простые люди.

Часть первая.

Тихий уральский городок

Ушедший мир и события глазами маленького человека познающего себя.

Наверное, в жизни каждого человека наступает такой момент, когда он с горечью начинает понимать, что большая часть главных событий в его жизни, к сожалению, осталась далеко позади. Прожитые годы, особенно детство, представляется ярким и красочным. Впечатления детских лет, периода познания мира, остаются надолго, на всю оставшуюся жизнь. Хочется вернуться туда, где его окружали добрые и любящие люди, верные друзья без лучиков морщинок у глаз и седых висков. Юная заботливая мама, стройный и добрый отец. Чтобы вновь, как в детстве, ощутить себя маленькой частичкой этого огромного мира.

Каждый человек начинает воспринимать происходящее с разного возраста. Одни помнят себя совсем крохотными, другие начинают ощущать мир с момента каких-то важных событий и дат.

Володя помнил себя, наверное, лет с пяти. Как он сейчас понимает, его родители жили в небольшом старинном уральском городе. Некогда славящемся своими знаменитыми ку-

печескими ярмарками и выставками породистых лошадей. Незадолго до его появления на свет, семья получила небольшую квартиру, почти в центре, недалеко от городского рынка. В усадьбе, ранее принадлежавшей известному в Сибири и на Урале, богатому промышленнику.

Дом, двор и соседи

Детская память воскрешает громадный пустынный двор, окружённый жилыми и хозяйственными постройками. Дворника – мрачного татарина Рашида, с курчавой черной бородой в брезентовом фартуке с неизменной метлой в руках. Запомнился он ещё и потому, что называл дворовые постройки интересными и непонятными словами:

– Маленький одноэтажный домик справа от тяжёлых кованых въездных ворот, где он проживал со своей многочисленной семьёй, назывался «дворницкой». Крепкие бревчатые сараи по правому периметру двора – «амбарами», там же находились двухэтажные «каретные». Слева от ворот, примыкая к ним, двухэтажное кирпичное здание, носящее название «заезжей». «Заезжая» имела два входа – с улицы, с высоким резным крыльцом, и со двора, менее помпезное, с крутыми деревянными, обшарпанными ступенями. Рядом с ней располагались, тесно прижавшиеся друг к другу, маленькие одноэтажные домики, называемые «людской». В глубине двора, прямо против въездных ворот, на фоне деревьев тенистого парка, возвышался красивый белый двухэтажный дом. С широким крыльцом, украшенным каменными шарами, стеклянными, ажурными дверями и просторной лестницей на верхний этаж. Этот дом Рашид называл «барским» или «хозяйским».

Володины родители жили на втором этаже «заезжей», в небольшой угловой комнате с двумя окнами, выходящими на соседнюю улицу. Домой можно было попасть, поднявшись по крутой лестнице со двора, миновав длинный общий коридор. В коридор выходило множество дверей, там же стояли разнокалиберные столы с керосинками и керогазами. Всех многочисленных соседей Володя не запомнил, хорошо знал он только ближайших. Напротив жили две девочки, возрастом постарше, с которыми его иногда оставляла мама, уходя надолго по своим маминым делам. Маму девочек он почему-то не запомнил, но отца помнил хорошо. Его звали Пётр Маркович, это был полноватый невысокий мужчина с круглым добрым лицом. Он носил такую же форму, как Володин папа, только на погонах у него было не три маленьких звёздочки как у отца, а две больших. У них было три комнаты, и девочки иногда угощали его конфетами.

Дальше по коридору, по той же стороне, жила перекормленная рыжая конопатая девчонка его возраста, выражающая и жалобщица, её звали Люсей. Люськина мама, худая тетя в цветастом ярком халате, с какими-то накрученными на волосах железками, постоянно ругалась со всеми в коридоре громким писклявым голосом. У Люси был папа, не похожий на неё, но, такой же, рыжий. Краснолицый, толстый в подтяжках дяденька, который тоже носил военную форму. Но петлицы у него были не голубого цвета, как у папы и Петра Марковича, а красные, как его лицо. Он ни с кем не разго-

варивал и был очень важным. Через стенку от них жила женщина с интересным именем Циля, она была всегда красиво одета, с нарисованными бровями и яркими губами. Тётя Циля жила одна и работала машинисткой в военном учреждении, по вечерам к ней часто приходили гости, и было слышно, как за стеной тихонько «тренькала» гитара.

Обычно, на следующий день, она угощала маленького Володю шоколадными конфетами. Когда она наклонялась к нему, он ощущал тонкий запах её дорогих духов. Конфеты Вовка не любил, но брал и складывал в тумбочку за шторкой кухни. Потом вечером, вместе с мамой и папой они пили чай. Дальше по коридору жила полная и добрая тётя Глаша, она была бабушкой двух мальчиков-близнецов и на её попечение, обычно, оставляли всю играющую во дворе детвору. В коридоре, у входа, под ничейной этажеркой, жила общая дворняжка по кличке Жучка, её кормили все понемножку, кто, чем мог. В благодарность за это, она громко и яростно облаивала всех чужих, зашедших на этаж.

Луна

Во дворе были вкопаны столбы, на них натягивали верёвки и женщины сушили бельё. Чтобы оно не таскалось по земле, веревку подпирали обрезками железных труб. Однажды зимой, вечером, мама постирала бельё и собралась идти его вешать, Вовка с разрешения мамы, увязался следом, быстро оделся, и они отправились во двор. Он ещё никогда так поздно не выходил на улицу. На знакомом дворе было непривычно тихо и настороженно, высоко в тёмном небе огромным шаром висела жёлтая луна. Если хорошо присмотреться, можно было увидеть на её бледном лице глаза, нос и рот. Точно такие же, как на новогодней открытке, засунутой в квартире за рамку зеркала. Мама развешивала, уже успевшее схватиться морозом, пахнущее свежестью бельё, и попросила сына подержать трубу, подпиравшую верёвку. Вовка стоял с трубой в руках, задрав голову, с удивлением рассматривая лицо, бегущей за облаками луны. Тяжёлая, замёрзшая труба противно холодила руки, и он засунул их дальше в рукава пальто. Вовка сам не знал, откуда к нему пришла глупая мысль лизнуть трубу. Наверное, он решил попробовать, чем отличается холод трубы от холода стаканчика с мороженым, который мама покупала ему прошлым летом в парке. Высунув язык, Вовка притронулся к трубе, язык мгновенно прилип. Заорав благим матом, он

отдернул его, на трубе осталась маленькая полоска кожи, резанула сильная боль, во рту стало солоновато горько. Бросив трубу, закрыв руками рот, он громко замычал, уткнувшись в мамины колени, из глаз сами собой брызнули слёзы.

– Что, что случилось?! – не поняла мама, – тебя ударило трубой?

Вовка молчал, завывая, как волк из сказки о Красной шапочке.

– Перестань реветь! Ты можешь сказать, что случилось?

Сглотнув солёную кровь, Вовка высунул красный язык.

– Лизнул трубу? Вот, балда, сейчас пойдём домой! Потерпи!

Она быстро довешала бельё, и они побежали к дому. Дома, не раздеваясь, мама налила тёплой воды в стакан и бросила туда какие-то крупинки из маленькой баночки. Вода вмиг стала тёмно красной.

– Опusti язык и посиди! Это марганцовка, сейчас кровь перестанет бежать!

Он долго сосредоточенно сидел, вникая в свои ощущения – язык саднило, он с трудом умещался во рту.

– Наверное, будет теперь висеть, как у Жучки в сильную жару? – отрешённо подумал Вовка, и ему стало жалко себя. Он снова беззвучно и горько заплакал.

Утром, первым делом, подбежав к зеркалу, он увидел – язык не висел, но был красным и шершавым.

Каждое утро день начинался совершенно одинаково, по-

ка он, сидя на кровати, путаясь в штанинах и рукавах, натягивал одежду, мама доставала из кухонного стола пузатую бутылку с жёлтой жидкостью, наливала до краёв большую деревянную ложку и ждала зевающего сына. Вовка не торопился, он знал, что в бутылке противный рыбий жир, который ему предстояло выпить. Эта глупая традиция возникла ещё летом, после того, как однажды, мама пожаловалась, что сын плохо кушает всёзнающей тётё Глаше. В тот же день в доме появилась аптечная бутылка с отвратительной, горько-солёной, маслянистой жидкостью, пахнувшей как пропавшая селёдка, которую тётя Циля, пожалев выбросить, отдала несчастной Жучке.

Но на этот раз, мама не стала поить его своим любимым лекарством. Она вновь налила марганцовки и заставила долго и утомительно полоскать язык, пока вода в стакане совсем не остыла. Несколько дней Вовка кушал, с трудом переворачивая распухшим языком, сухую, как песок в песочнице, невкусную еду. Но потом происшествие забылось, и желание зимой лизнуть железо, больше к нему не приходило.

Страшная башня

Почти каждый день мама ходила за водой к громадной, круглой башне, стоящей на краю болота, напротив входа на рынок. Иногда летом, она брала с собой сына, он гордо шёл впереди, неся на плече согнутую палку с железными крючками, которую мама называла коромыслом. Мама, не спеша, шла сзади с пустыми вёдрами, поправляя и поддерживая сползающее с хрупкого плеча помощника отполированное временем коромысло. Башня походила на нарисованный в книжке мрачный старый замок, с узенькими зарешеченными окнами и железной дверью, закрытой на большой висячий замок. Сбоку из кирпичной стены башни торчал краник и блестящая ручка. Мама ставила на кирпичную подставку ведро, дёргала за ручку, из крана с шумом вырывалась толстая струя воды и ударяла в ведро, быстро наполняя его до краёв. Потом мама устраивала коромысло себе на плечи, наклоняясь, цепляла по очереди вёдра, и они шли домой.

Но зимой мама ходила по воду одна, закрывая сына в квартире и обещая скоро вернуться. После того, как замок в дверях щёлкал, закрываясь, Вовка пододвигал к окну стул, залазил на него, прижавшись к самому стеклу, смотрел, через разрисованное зимними узорами окно, как мама появлялась из-за дома и скрывалась за углом забора рынка.

Так он ждал её довольно долго. Иногда мама возвращалась быстро, но чаще кран на башне замерзал, и люди ждали, пока его не отогреет факелом сторож рынка. Володя не боялся оставаться один дома, если мама уходила в магазин, к соседям, или на базар. Но когда она долго не возвращалась от той ужасной башни, его одолевал страх. Он слышал однажды, как тётя Глаша говорила своим мальчишкам без спроса убежавшим за ворота, что в башне живёт старый и злой Бабай, который ловит маленьких детей и держит их за решёткой, в тёмном и сыром подвале под башней. А потом, продаёт цыганам и смуглым людям торгующим на рынке. Вовка не знал, как выглядит этот страшный Бабай, но ему казалось, что он, запросто, может украсть и его родную и любимую маму. Обуреваемый страхами, он тихонечко плакал, приговаривая песенку, которой его научили дочери Петра Марковича:

– Мама, моя мамочка, золотая мамочка! —

В этом месте, Вовка шмыгал носом, крупные, солёные капли бежали по его щекам,

– По водичку пошла, «молодичку» нашла!

С каждым словом, ему становилось всё обиднее за себя, и за сидящую в темнице маму,

– Зацепилась за пенёк,

Здесь Вовка делал паузу, набирал полную грудь воздуха, и с рёвом заканчивал:

– Простояла весь денёк!!

Маму звали Женей, но Володя всегда называл её просто – Мама!

Когда мама, наконец, возвращалась, он встречал её радостно, как вернувшуюся из долгого, страшного заточения: – «Ты, мама-Женя умница, молодец!»

Так же, как она, иногда, хвалила его: – «Ты, у меня, сын-Вовка, молодец!» Он считал это высшей похвалой.

Тётя Циля, увидев маму, входящую с вёдрами в коридор, по-обыкновению говорила:

– Твой Шаляпин, сейчас такой концерт здесь закатывал, что даже Жучка сбежала на улицу. А у меня до сих пор в ушах звенит.

Мама обычно ничего не отвечала на её недовольные слова. Не ругала она и Вовку, потрепав его по волосам, раздевалась и садилась на стул возле дверей, растирая покрасневшие и замёрзшие руки.

Вовка не был знаком с Шаляпиным, более того, он даже не знал, человек это, или вещь. Как, например, патефон у тёти Циля, который она иногда включала на полную мощь, и, помешивая в кастрюльке стоящей на керосинке, затягиваясь длинной папироской, томно говорила:

– Ах, эти «Брызги шампанского»! Они сводят меня с ума!

По Вовкиному понятию, Шаляпин был чем-то, вроде «шалолая», так тётя Глаша называла своих внуков, после их очередной проделки. Пацаны-братья, были постарше Вовки, их уважала вся младшая детвора во дворе, они постоянно,

сильно и отчаянно дрались с обидчиками. Поэтому Шаляпин – «шалопай» был, в каком-то смысле, поощрением Вовкиных действий.

Жучкины дети

У Жучки под её ничейной этажеркой появились дети. Три крохотных, слепых создания тыкались в живот Жучки, лежащей на боку, пытаясь там что-то найти. Ещё вчера под этажеркой никого не было, толстая и сытая Жучка ходила по коридору, лениво помахивая хвостом и облизываясь после очередной подачи. А утром когда Вовка вышел посмотреть, где мама, он увидел, как все проходящие мимо жильцы, осторожно заглядывали в Жучкин гнездо и ахали – какие щенятки маленькие и разноцветные! Младшая дочь Петра Марковича – Валя, ученица второго класса, округлив глаза, по секрету сказала Вовке, что Жучка их родила.

– Как родила? – не понял Вовка.

Вероятно, Валя и сама не знала, как это произошло но, не желая показаться некомпетентной, громким шёпотом, прошепелявила выпавшими губами:

– Как, как, родила? Ротом! – и ушла к себе, мелькнув жиденькой косичкой и хлопнув дверью.

Это известие очень озадачило мальчика. Получалось – ходила, ходила одинокая собака, легла спать, открыла во сне рот, а щенята оттуда и повылазили. Это что выходит, если проследить когда она ляжет спать и снова откроет рот, оттуда ещё может выскочить пара щенятков. Вот, оказывается, почему они такие мокрые – Жучка их во рту держала. Надо

дождаться, когда она ляжет спать. Вовка принёс из комнаты свой маленький стульчик и стал ждать. Жучка, явно не желала укладываться ко сну, она облизывала своих детей и искося, настороженно наблюдала за Вовкой. Он сидел на стуле и думал о том, почему она родила их именно сегодня? Откуда про всё это знает умная Валя? Наверное, этому её научили в школе? Вовке идти в школу было рано, целых два пальца до неё, как научила его мама. Если к пальцам на одной ладошке, приставить два от другой, вот и выйдет – школа! Почему он не может пойти сейчас? Вот приставил и пошёл! Ничего не понятно, руки отдельно – нельзя в школу. Вместе – хоть завтра иди! И с Жучкиными детьми совсем ничего не ясно – не было, не было! Бах! А теперь есть, и не один!

Жучка, между тем, начала укладываться спать, сначала она встала и потянулась. А потом, покрутившись на месте, легла, свернувшись калачиком, спрятав всех своих пищущих детей внутрь и прикрыв хвостом, как одеялом. Наступило самое ответственное время – скоро она заснёт! Лишь бы мама не позвала в этот момент домой, и Жучка не проснулась. Вовка очень внимательно смотрел за собакой. Неожиданно Жучка спрятала нос под лапы и кончик хвоста.

– Нарочно прячет, чтобы я не увидел, как она будет рожать! – понял Вовка, тихонько сползая со стула и двигаясь поближе.

Собака приоткрыла глаз, глухо заурчала, но успокоилась – Наверное, её тошнит, – подумал Вовка, – Вспомнив,

что недавно, правильно чистил зубы белым как пудра, порошком. И далеко засунул в рот жёсткую зубную щётку, его, тут же, чуть, не стошнило.

Жучка пошевелилась, из глубины её шерсти, выполз маленький, гладко зализанный собачонок, и пополз к Вовке:

Всё, родила! – радостно заулыбался Вовка, протянув руку, чтобы его потрогать.

В это же мгновение Жучка неожиданно проснулась, визгливо гавкнула, бросившись на Вовку. Мелькнули белые, оскаленные клыки, бешеные глаза. Острая боль пронзила лицо и всю голову, красная тёплая кровь побежала по подбородку, капая на белую рубашку. Вовка закричал, не в силах открыть тяжёлую дверь своей комнаты. Из квартир стали выглядывать испуганные соседи.

Что было дальше, Вовка помнил смутно. Как полураздетая мама несла его, завёрнутого в одеяло, по заснеженным улицам. Потом, его катили на дребезжащем столе с колёсами по каким-то длинным коридорам. Иногда, среди незнакомых тётенок в белых халатах мелькало встревоженное лицо мамы. Как через туман, Вовка увидел, закрытое наполовину лицо незнакомого дяденьки, его добрые глаза. Совсем не больной укол чем-то в щёку, от которого она стала чужой и деревянной. Затем этот дядька, с закрытым лицом, что-то делал возле Вовкиного глаза, сужая свой зрачок и что-то внимательно рассматривая. Вовка задремал. Проснулся, когда мама принесла его домой, вся щека горела и пульсирова-

ла, глаз был заклеен большим куском ваты и бинтом, Вовку морозило.

На следующий день, ближе к обеду, мама повезла его на прививку от бешенства. Выходя из дома, Вовка заметил, что ни ничейной этажерки, ни Жучки с её детьми в углу больше не было. Когда мама быстрым шагом, тащила едва успевающего перебирать ногами Вовку по широкому двору, он единственным не заклеенным глазом успел заметить как играющие в песочнице пацаны, с каким-то испуганным интересом и жалостью, смотрели им в след.

Ехать, как сказала мама, надо было до электростанции. Они пришли на остановку возле рынка, остановка была конечной. Автобус, очень похожий на обычный грузовик, только с большим ящиком вместо кузова, стоял в сторонке, поблескивая замёрзшими окнами и круглыми фарами. Водитель – дяденька в чёрной телогрейке и валенках долго копался внутри открытого мотора. Наконец автобус, выдохнув белёсым дымом, шумно подъехал к собравшимся людям, дребезжа и поскрипывая. Забинтованного Вовку и маму пропустили вперёд, и они заняли два места на первом сидении, остальные люди расселись сзади. Откуда-то из глубины машины появилась полная женщина с сумкой на груди и в варежках, у которых были отрезаны пальцы. Она с трудом протискивалась по проходу между сидениями, откручивала от рулончика на груди зелёные билеты и продавала их пассажирам. Дяденька водитель потянул блестящую

ручку, дверь с шумом захлопнулась, и они поехали. Качаясь, скрипя и подпрыгивая, машина, не спеша, бежала по заснеженным улицам города. Несколько раз они останавливались, в открытую дверь выходили одни пассажиры и садились новые. На одной остановке зашло очень много людей, и мама взяла его на руки, освобождая место. Вовка стал видеть дорогу впереди. Прикатанная колея набегала на машину и исчезала под ней. Редкие прохожие торопливо перебежали улицу, когда они делали это очень близко, шофёр нажимал на кнопку в середине руля, и машина басовито сигналила, люди бежали ещё быстрее, с опаской поглядывая на автобус.

– Это даже хорошо, что Жучка меня укусила! – подумал вдруг Вовка, – сидел бы сейчас один дома. Мама ушла бы по воду, я снова бы плакал, волнуясь за неё.

Вдалеке выбрасывая в низкое небо густой чёрный дым, появились высоченные мрачные трубы какого-то предприятия. Людей в автобусе осталось совсем мало.

– Конечная, ГРЭС, – бодрым голосом объявила кондуктор.

Машина остановилась. С заклеенным глазом как раненный красноармеец, Вовка спустился на землю, и они пошли с мамой к длинному одноэтажному дому, который им показала говорливая кондукторша. В полутёмном вестибюле сдали на вешалку свои пальто и по скрипучим полам двинулись дальше вдоль одинаковых дверей с какими-то табличками. У некоторых дверей сидели люди, ожидая своей очереди.

Нужная дверь обнаружилась почти в самом конце коридора, они оказались четвёртыми. Очередным зашёл молодой человек с забинтованной рукой, через некоторое время он вышел, морщась и заправляя рубашку. Перед ними в кабинет должна была зайти девочка немного постарше Вовки, сопровождаемая пожилой женщиной, по-видимому, бабушкой. Наверное, девочка была здесь не в первый раз, как только бабушка попыталась завести её в кабинет, та намертво ухватилась за тяжёлую скамью, на которой они сидели, и закричала таким страшным отчаянным голосом, что у Вовки зазвенело в ушах. Все попытки бабушки и вышедшей ей на помощь женщины в белом халате завести пациентку в кабинет успеха не имели. Ребёнка можно было только занести вовнутрь и только вместе со скамьей.

Медицинская тётенька, в очередной раз, выглянув из кабинета, посмотрела на жалкие попытки бабушки успокоить девочку и, глядя на Вовкину маму, сказала:

– Ну что же заходите вы!

Подталкиваемый мамой Вовка вошёл в кабинет, первое, что бросилось ему в глаза, была многоярусная этажерка со стеклянными стенками. На её полках, словно на показ, были аккуратно, с какой-то садисткой любовью, разложены блестящие пинцетики, щипчики, кривые крючочки, массивные, матовые плоскогубцы, какие-то металлические коробочки, неизвестно с чем. Другая тётенька в белом халате из блестящей квадратной кастрюли, извергающей клубы па-

ра, доставала длинные стеклянные трубочки и насаживала на них такие же блестящие металлически иголки.

– С чем пожаловали? – обратилась он к маме.

– Собака покусала, – ответила мама, протягивая какую-то бумажку.

Женщина, выглядывающая за дверь, взяла листок и стала что-то записывать в толстую потрёпанную тетрадь.

– Сколько полных лет? – спросила она маму, – животное истреблено?

Мама что-то отвечала, но Вовка этого уже не слышал. Всё его внимание, помимо воли, было приковано к этим жутким инструментам. Он не знал, для чего они предназначены, но уже, один их матово-безразличный, приковывающий взгляд облик, поднимал в глубине души леденящий всё пожирающий ужас.

– Готовы? Укладывают «укушенного», – сказала первая тётенька, указывая на кушетку.

Вовка, поняв, что «укушенный» это он, сел на кушетку. Когда мама стягивала с него валенки, он неожиданно уловил в её глазах мгновенно промелькнувшую добрую жалость. Мама закатала ему рубашку на животе, приспустила штаны, Вовка лёг на спину и стал ждать. Медицинская тётка возле кипящей кастрюли, наконец, собрала свой ужасный инструмент. Со словами:

– Сейчас нас тихонько комарик укусит, – приблизилась к кушетке.

Но вместо обещанного комарика с тонкими, прозрачными крылышками, Вовка увидел у неё в руке блестящую прозрачную трубочку, наполненную какой-то жидкостью, со зловещей, толстой иглой на конце. Вовка забился в ужасе, как карась, которого тётя Циля осенью чистила острым ножиком на кухне. Но не тут то было – мама крепко держала его ноги, а внезапно появившаяся тётка, что выглядывала в коридор, обхватила его грудь и руки. Вовка скосил не заклеенный глаз себе на живот – женские руки с блестящим кольцом воткнули в него толстую иглу и выдавили туда содержимое трубочки. Нестерпимая боль опоясала всё тело. Вовка заорал, что было сил, державшие его руки ослабли, он сел, продолжая плакать. Мама надела на него валенки, в гардеробе помогла натянуть пальто, завязала шарф и шапку. На все её вопросы Вовка не отвечал, стоя на остановке в ожидании автобуса он беззвучно плакал. Ему уже не было больно, его захлестнула обида! Первый раз в жизни его мама, его любимая мама, находясь рядом, не помогла ему и не защитила!

Вовке было невыносимо горько и обидно! Он казался себе никому не нужным несчастным и брошенным! Вовка не разговаривал с мамой до самого вечера до прихода отца. После ужина папа подсел к его кровати и по взрослому сказал:

– Ты, на кого обиделся? На маму? Ей ещё больше, чем тебе! Но она не обижается, не молчит, как ты! Я скажу тебе правду, как мужчине, тебе ещё предстоит тридцать девять уколов! Это, сынок, много, ты, должен вытерпеть. Договори-

лись?

Вовка молчал. Утром он первым поцеловал маму.

Люська сплетница

Через несколько дней ему разрешили выходить на улицу, повязку сняли, шрам ещё долго не заживал. Знакомые мальчишки, заужавали Вовку, у него появились новые друзья. Только вредная Люська почему-то начала сторониться его. Однажды спустившись во двор, он увидел кучку своих друзей, которые внимательно слушали что-то с жаром рассказывающую, энергично жестикулирующую Люску. Увидев приближающегося Вовку, дети быстренько собрали свои разбросанные игрушки и тихонечко разошлись по своим подъездам. В песочнице осталась одна Люська, на правах хозяйка, захватившая весь песок и строившая там большой дом. Удивлённый Вовка хотел подкатить туда свой любимый грузовик на верёвочке. Но Люска, уперев руки в бока, как делала её мама, ругаясь с соседками в коридоре, решительно заявила:

– Не подходи, моя мама сказала, что ты, наверное, бешеный и можешь укусить! Жучке твой папа голову отрубил для анализа, а саму в мешке в прорубь бросил! Так мама сказал! Не подходи!

Вовка не зная, что ответить, очумело смотрел на соседку, из-за угла выглядывали любопытные пацаны. Вовка чувствовал, что «теряет авторитет», теперь все будут смеяться над тем, как он испугался Люську. В этот момент ему очень

хотелось ударить вредную девчонку, но желания укусить, почему-то не возникало.

Вовка сказал, что она дура, для «порядка», распинаял весь её дом и обиженный ушёл. Но услышанное глубоко запала ему в душу. Несколько дней он ходил совершенно потерянный, Вовка чувствовал себя ужасно виноватым. Из-за него убили эту добрую, ласковую собаку, её маленькие детки теперь страдают без своей мамы. И кто убил? Его собственный, добрый папа! Весь двор знает, что это он виноват в гибели общей любимицы. Знают и ненавидят его!

Этот груз дум был невыносим он давил, как тяжёлый камень. Однажды вечером лёжа под одеялом, он мысленно перебрал все прекрасные моменты, связанные с Жучкой, вот она весёлая бегает за детворой, вот приносит далеко брошенную палку, переворачивается на спину, подставляя живот, когда её начинают гладить. А теперь, её нет! Её убили и во всём виноват он – Вовка! Вовка возненавидел себя и горько заплакал.

Его всхлипывание услышал возвратившийся с работы отец. Вовка путано, глотая слёзы, рассказал всё, что услышал от рыжей Люськи. Папа погладил его по голове и, смеясь, ответил:

– Люсины мама что-то напутала. Жучка жива и здорова. Её, чтобы ещё кого-нибудь не укусила, увезли за речку на аэродром. Она там и живёт в будке с другими собаками. А щенков забрал дворник Рашид для своих друзей. Спи, вы-

думщик!

Вскоре история была забыта, к Вовке вернулись его друзья. Но до самой весны, мама возила его на автобусе к тем противно дымящим, громадным трубам и он героически переносил уколы.

Папа

Отца Вовка видел редко, обычно когда он просыпался, папы уже не было дома, а вечером, когда мама укладывала его спать, папа ещё не возвращался. Вовка знал, что его папа офицер и служит в авиации. Папа был высокий худощавый и красивый. Ему была к лицу военная форма – синие брюки с голубыми полосочками по бокам, зелёная гимнастёрка, под ремень, с золотыми погонами. И что больше всего Вовке нравилось – фуражка, с голубым околышем, блестящим козырьком и «капустой» – красиво вышитыми веточками, с красной звездой в центре. Иногда Вовка надевал фуражку и важно ходил возле старого большого зеркала у дверей. Вовка любил своего папу и очень им гордился!

Мама рассказывала ему, что папа воевал, был на фронте. Получил тяжёлое ранение, долго лежал в госпитале. Летом, когда они всей семьёй загорали на речке, Вовка увидел у папы сверху на ноге большой глубокий с рваными краями шрам. Иногда старая рана сильно болела, по ночам отец не спал, Вовка просыпаясь в темноте, видел папу курящего у открытой форточки. Как-то утром, когда отец уже ушёл на работу, мама показала Вовке два маленьких зазубренных с острыми краями, железных осколочка. Мама сказала, что ночью они вышли из папиной ноги, это осколки немецкой мины.

Иногда у папы был выходной. Тогда вместе с мамой они ходили, взявшись за руки, в большой зелёный парк, где играла музыка они катались на лодке по маленькой заросшей водорослями речке. Изредка мама уговаривала всех сходить в кино. Прижавшись, друг к другу, семья смотрела страшные фильмы про войну, добрые сказки о Снегурочке и других весёлых людей и животных.

Случалось что, гуляя по улицам города, им навстречу попадались другие военные, тогда, папа отпускал Вовкину вспотевшую ладошку и прикладывал руку к козырьку фуражки, отдавая воинскую честь. Очень редко папа выкатывал блестящий велосипед, хранящийся в сарае, привязывал на раму подушечку, и они ехали в лес на берег озера «пить пиво». Правда, пиво пил только папа, с другими дяденьками возле круглых столиков прямо на улице. Вовка шёл к озеру и кидал припасённые из дома сухие хлебные корки важным гусям и маленьким разноцветным уткам, наперегонки плавающим у берега. Потом они, с папой немного покатавшись по городу, возвращались домой, где с вкусным обедом их ждала мама. Для Вовки это был настоящий надолго запоминающийся праздник!

Достаточно часто папа «заступал в наряд», тогда он появлялся дома задолго до обеда, гладил свою военную форму, подшивал белый накрахмаленный воротничок к своей гимнастёрке, на лестнице до блеска чистил сапоги и вечером, повесив на ремень кобуру, уходил. В эту ночь, спать домой па-

па не возвращался. Вовка не знал, что такое «наряд», но искренне считал, что, так красиво нарядившись, побрившись и наодеколонившись, папа всё это время где-то важно и красиво ходит среди таких же красиво одетых счастливых и нарядных людей.

Домой отец возвращался поздно вечером на следующий день, он выглядел не таким нарядным и казался уставшим. Быстро покушав, лег на кровать и заснул почти мгновенно.

Несколько раз, по воскресеньям, папа брал Вовку с собой на работу. Они ехали автобусом до моста, а там шли немножко пешком. Папина работа находилась в больших и длинных трёхэтажных домах, их называли казармами. Вовка хорошо помнил свой первый поход с отцом. Они подошли, как Вовке показалось, к громадным сделанным из труб воротам с красными пятиконечными звёздами в центре. На ступеньках белого маленького здания стоял человек в военной форме с красной повязкой на рукаве и большим ножом в чехле на поясе. Он как-то подозрительно и внимательно посмотрел на мальчика, Вовка даже засомневался, что его пропустят. Но человек открыл двери, отдал папе честь, и они прошли на большое каменное поле со всех сторон окружённое домами-казармами. На поле играла музыка, множество одинаково одетых людей, одновременно высоко поднимая ноги, шли стеной, от одного края поля к другому одинаково размахивая руками и поворачивая головы. В стороне другие люди, напротив, неестественно медленно, словно спящие ходили

по кругу, замирая на какие-то мгновения и снова продолжая движение. Ещё несколько человек застыли с ногами, далеко отставленными назад, и походили в этой позе на больших гусей в тот момент, когда они потягиваются и стараются ногой достать конец своих крыльев. Папа пояснил, что все они готовятся к предстоящему параду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.